

Они сражались за Родину!

★ Владимир Першанин ★

Я ПРОШЕЛ ДВЕ ВОЙНЫ!

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

Художник Игорь Варавин

Першанин, Владимир Николаевич.
П26 Я прошел две войны! / Владимир Першанин. —
Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 352 с. — (Война.
Штрафбат. Они сражались за Родину).

ISBN 978-5-04-089366-9

Новая книга от признанного мастера жанра!

Основанное на реальных событиях повествование о судьбе молодого командира Красной армии Василия Гладкова. Впервые попав на фронт в декабре 1939 года, Василий с небольшим перерывом продолжал сражаться с врагами нашей Родины до самой Победы.

Сначала кровавая Зимняя война, где Гладков со своим взводом, утопая в снегу, прорывал печально знаменитую линию Маннергейма. Затем страшная Великая Отечественная война: Смоленское сражение, Битва под Москвой, Сталинград.

Не ищите в книге громких подвигов — это лишь суровая оконная правда о Великой войне, в которой наши отцы победили фашизм.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089366-9

© Першанин В.Н., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

ЗИМНЯЯ ВОЙНА

Рота понесла первые потери и залегла. Я лежал за большим валуном, покрытым шапкой снега, и всматривался в нагромождение спиленных сосен и каменную гряду, откуда нас обстреляли. Вели огонь два станковых пулемета, которые за короткое время выбили не меньше полутора десятков бойцов и тяжело ранили командира роты.

Мимо меня полз раненный в ногу красноармеец из соседнего взвода, ему помогал санитар. Когда они выползли на открытое место, снова заработал финский пулемет. Вернее, пулемет был немецкий, МГ-08 старого кайзеровского образца, похожий на наш «максим», только без щитка.

Расстояние составляло метров триста. Финский пулеметчик вложил одну и другую очередь довольно точно. Пули выбили крошево мерзлой земли и снега в метре от санитара и раненого бойца.

— Оставайся на месте, — приказал я санитару, рябоватому парню лет двадцати. — Наложки жгут потуже.

— Сейчас сделаю, товарищ лейтенант, — кивнул санитар. — Только его все равно надо поскорее на сборный пункт доставить. Крови много потерял.

— Под таким огнем ты его и себя на тот свет доставишь. Подожди немного, пока мы снова атаку не продолжим.

Короткими перебежками до моего укрытия добрался связной и сообщил:

— Через десять минут атака.

— Кто роту поведет? — спросил я.

— Политрук. Велел передать, чтобы наступали без остановок. Если его подранят, роту возглавит командир первого взвода Чередник.

Я кивнул и, пригибаясь, добрался до расчета «максима», который пристроился среди камней.

— Когда поднимемся, постарайся заглушить их станковый МГ-08.

Командир расчета, сержант Захар Антюфеев, рыжеволосый, широкий в груди и плечах, возился с прицелом.

— Сделаю, что смогу. Но у лопарей пулемет на салазках, они позицию все время меняют.

Коротко взыкнула пуля. Мы отчетливо услышали удар о человеческое тело. И тут же вскрикнул, заголосил санитар:

— Убили... мамоньки, убили меня.

Он ворочался, держась за бедро, а снег вокруг него набухал красным.

— Снайпер, — ахнул кто-то.

Я послал бойца помочь санитару, а в центре залегшей ротной цепи неуклюже поднялся в полный рост старший политрук Пуняев. Размахивая над головой наганом, закричал срывающимся голосом:

— В атаку! За родину!

Я ПРОШЕЛ ДВЕ ВОЙНЫ

Но рота продолжала лежать неподвижно. Топтался лишь политрук. Дважды выстрелив вверх, снова крикнул:

— В атаку!

Со стороны финских позиций хлопнули несколько винтовочных выстрелов. Раненный в живот Пуняев упал на колени, но упрямо поднялся. Командовать он уже не мог, но своим примером пытался воодушевить людей. В морозном воздухе сухо треснул одинокий выстрел. Пуля угодила политруку в лицо, он был убит наповал.

Цепь зашевелилась, некоторые бойцы открыли огонь из винтовок, но вставать никто не рискнул. Тем более снова заработали оба финских пулемета, ввинчивая над головами тягучий свист пуль.

Это был мой первый бой. Я запомнил его до мелочей. И неожиданную храбрость нашего политрука Пуняева, бывшего секретаря колхозного парткома, который ничем не выделялся. И залегшую роту, которая еще вчера бодро распевала: «Но от тайги до британских морей Красная армия всех сильней», а сейчас боялась поднять головы.

Я зашевелился. Мелькнула мысль, что надо встать и вести за собой роту. Я даже передернул затвор пистолета ТТ и поймал напряженный взгляд своего заместителя, старшего сержанта Михаила Ходырева, решительного и далеко не трусливого парня.

Михаил тоже не торопился вставать навстречу пулеметным очередям и метким выстрелам охотников-лопарей. Возможно, он ожидал, что нам, как было обещано, поможет артиллерия. Но легкие пол-

ковые «трехдюймовки», выпустив перед атакой полсотни снарядов, переключились на другие цели.

В этот момент раздался голос командира первого взвода Григория Чередника. Он командовал негромко, но отчетливо:

— Рота, слушай команду! Приготовить гранаты, вставить запалы.

Люди зашевелились, доставая гранаты из подсумков. Следом прозвучала очередная команда, более громкая:

— Рота, встать!

Бойцам уже не оставляли времени для раздумий и страха. Это была команда, которой учили красноармейцев до автоматизма, и она сработала. Люди торопливо поднимались, держа наперевес винтовки с примкнутыми штыками. Некоторые тяжело дыша, как после быстрого бега, — сказывалось напряжение последних минут перед броском под пули.

— В атаку! — звенящим командным голосом крикнул лейтенант Чередник.

Сейчас залечь никто бы не посмел. Вступал в действие жесткий армейский Устав, за нарушение которого людей отдавали под трибунал. Усилил огонь финский МГ-08, направляя трассы в сторону моего взвода. Навстречу ему частыми вспышками заработал «максим» сержанта Антюфеева.

Стреляли на ходу еще двое-трое сержантов, держа на весу ручные пулеметы Дегтярева. Во время атаки полагалось вести огонь всем, но люди были слишком напряжены, занятые одной мыслью: быстрее преодолеть это каменистое заснеженное поле.

Я ПРОШЕЛ ДВЕ ВОЙНЫ

Никто не пытался даже на минуту спрятаться за разлапистые ели или валуны. Вперед! «Ура!» не кричали, но когда снова стали падать убитые и раненые, по цепи прокатились невнятные выкрики многих голосов, которые превращались в рев.

В длиннополых шинелях, островерхих буденовках, со штыками, узкие лезвия которых сверкали под холодным зимним солнцем, эта ревущая цепь, ускоряющая свой бег, не могла не внушать страх, хотя перед нами был смелый противник. Финны будут до последнего драться за свою каменистую землю, леса и замерзшие озера.

Мы несли потери. В нескольких шагах от меня выронил винтовку боец моего взвода. Пуля, прошедшая навылет, вырвала клоч шинели на спине, разбрызгивая мелкие капли крови. Красноармеец шатнулся и осел на подвернувшихся ногах в снег.

Упали еще несколько человек. Один из МГ-08 замолк. Но продолжал почти без остановок молотить второй станковый пулемет. Его поддерживали несколько ручных пулеметов и не меньше десятка автоматов «суоми».

Возможно, финны заставили бы нас снова залечь. Но над головой с характерным воющим звуком пронеслись несколько шестикилограммовых снарядов наших полковых пушек. Кто-то из бойцов шархнул в сторону от близкого воя, но основная масса красноармейцев ускорила бег.

Два запоздалых артиллерийских залпа сыграли свою роль. Осколочные и фугасные снаряды свалили несколько елей, подняли фонтаны древесных обломков, камней и снега. Снаряды упали довольно

точно, заставив финнов на какое-то время прекратить огонь и нырнуть на дно траншеи и в укрытия.

Когда они поняли, что русская артиллерия замолчала, первый, а следом и второй взвод уже приближались к их позициям.

Гриша Чередник, один из лучших курсантов нашего выпуска, командовал умело и четко:

— Огонь гранатами!

Бойцы встряхивали заряженные РГД-33, и увесистые шестисотграммовые гранаты, кувыркаясь, летели в траншею. Мой третий взвод немного отстал: преодолевали покрытую льдом низину и склон, усеянный камнями. Когда до траншеи осталось метров семьдесят, я увидел первого финна.

Настойчивая пропаганда убедила нас, что мы сражаемся с наймитами империализма, фашистами-шутцманами из нацистского корпуса «Шуцкор», обманутыми солдатами из бедноты, и несем свободу финскому народу.

Обросший рыжей бородой финский солдат, ловко вскарабкавшийся на бруствер, не напоминал наймита или фашиста. Одетый в перепоясанный полушубок без знаков различия и овчинную шапку с кожаным верхом, он отчаянно матерился, скидывая автомат «суоми» с дырчатым кожухом и круглым диском, очень похожий на наш автомат ППД-34.

— Курва русская... Молетов, Сталин нашу землю хотят!

Дальнейшее я не услышал. Бородач, прижимая автомат к плечу, водил стволом, опустошая емкий магазин на 71 патрон. Сноп огня, веер блестящих

отстрелянных гильз, и оцепенение в предчувствии неминуемой смерти.

С такого расстояния он мог бы уложить и пять, и десять бойцов моего родного третьего взвода. Но нас спасло то, что финн недостаточно хорошо владел своим оружием. Тяжелый автомат, весом семь килограммов, ходил в его руках ходуном, выбрасывая сноп огня и шестнадцать пуль калибра 9,0 миллиметра в одну секунду.

Бородач выпустил диск меньше чем за минуту и торжествующе выругался напоследок, потрясая над головой автоматом. Я выстрелил в него дважды, но, видимо, промахнулся. На снегу лежал один из бойцов, зажимая ладонями живот.

— Степана убил, гад!

Автоматчик спрыгнул в траншею, а взвод прыжками бежал вперед. Снег был вытоптан, передвигаться стало легче. Высунулись несколько голов: в немецких касках, овчинных шапках, суконных кепи. Винтовочные выстрелы и торопливые очереди финского ручного пулемета опрокинули еще двух бойцов, но остальные красноармейцы уже сблизились с врагом, стреляя сверху вниз.

Возможно, я допустил ошибку, не дав команду забросать траншею гранатами. Но события разворачивались слишком быстро. Пока бойцы возились бы с гранатами, половину бы перебили ружейным и пулеметным огнем.

Красноармейцы прыгали в траншею. Этот дружный напор заставил часть финских солдат отшатнуться, чтобы избежать летящих сверху смертоносных штыков. Другие отбивали удары или передергивали затворы своих винтовок со сложен-

ными штыками, иначе в траншее с ними не вернуться.

Несколько секунд я стоял на бруствере. Внизу разворачивался ожесточенный рукопашный бой, с криками и руганью на русском и финском. С треском ломались от ударов приклады винтовок, стучали редкие выстрелы, вскрикивали раненые.

Я спрыгнул вниз, как прыгал с обрыва в холодную весеннюю воду нашей реки. Финский сержант, отбив удар штыка, выстрелил из карабина в красноармейца. Это был выстрел в упор, который отбросил бойца к стенке траншеи. Обмякшее тело сползло на мерзлую землю, глаза невидяще закатились в подлобье. Другая пара глаз, из-под наползающей на лоб массивной немецкой каски, ловила каждое мое движение.

Финский сержант лихорадочно передергивал затвор карабина. Понял, что не опередит меня, и прыгнул, замахнувшись прикладом. Я успел выстрелить три раза подряд. Сержант падал на меня, не выпуская из рук оружия. Хотя удар частично утратил силу, окованный металлом затыльник обрушился на мое левое плечо, едва не сбив с ног.

Помкомвзвода Ходырев, смуглый, небольшого роста, владел штыком хорошо, и с маху вонзил его в живот финскому солдату. От удара слетела каска, я увидел светлые льняные волосы и широкоскулое, с нашими, русскими, чертами лицо.

Эта схожесть заставила меня невольно задержать взгляд на белокуром парне, а заминка в бою может мгновенно оборвать жизнь. Рослый солдат в серо-голубой шинели вскинул винтовку, но его

Я ПРОШЕЛ ДВЕ ВОЙНЫ

опередил старший сержант Ходырев, успевший выдернуть штык и бросившийся на здоровяка.

Штык пропорол шинель, а пуля пронеслась в десятке сантиметров от головы, звонко врезавшись в ледяную стенку траншеи. Они сцепились, бросив бесполезное в эти минуты оружие — невысокий, но мускулистый и жилистый Миша Ходырев и рослый финский лесоруб, явно сильнее моего помкомвзвода.

— Уй-ее, арва! — рычал, перехватывая инициативу, финн, но ему мешала винтовка Ходырева, пробившая шинель и кожу на боку.

Она болталась, сковывая движения мощных рук. На помощь Ходыреву кинулся еще один красноармеец, но рослый финский солдат схватил рукой направленный на него штык и, согнув его, отбросил винтовку в сторону.

Я выпустил в него оставшиеся в обойме заряды. Затвор, лязгнув, отошел назад, показывая, что все патроны истрачены. Пока я перезаряжал свой ТТ, раненый финн, шатаясь, выбирался из свалки, понимая, что, несмотря на огромную физическую силу, его добьют. И он сумел уйти, хотя я видел, что как минимум две моих пули угодили в него.

Наша рота вытеснила финнов из первой траншеи. В горячке кинулись преследовать отступавшего врага, но выставленный заслон открыл довольно меткий огонь, Григорий Чередник приказал преследование прекратить и закрепляться в занятой траншее.

На участке нашего взвода мы насчитали пять убитых финских солдат. Бойцы рассказали мне,

что тяжелораненых санитары быстро вывозили на деревянных лодочках-волокушах. Возможно, вывезли и часть своих погибших.

Из пятидесяти двух человек моего взвода погибли восемь бойцов, полтора десятка красноармейцев были ранены. В двух других взводах потери были несколько меньше. Рота в целом потеряла более двадцати человек погибшими и сорок с чем-то раненых.

Такие потери действовали угнетающе. Один бой — и едва не половина личного состава выбыла из строя. Погиб политрук, тяжело ранили командира роты, остались только взводные лейтенанты, принявшие свое первое крещение.

Григорий Чередник, мой старый товарищ, обходился в позиции. Мы были с ним ровесники, закончили одно училище. Но, приняв на себя роту, он заметно изменился. Нет, он не заставил меня козырять и обращаться к нему по званию. В этом отношении Гриша не выпячивал своего превосходства.

Но когда я доложил потери взвода, он покачал головой и негромко заметил:

— Промедлил ты перед последним броском.

Я стал объяснять, что помешал скользкий склон и внезапно появившийся автоматчик, который открыл огонь длинными очередями едва не в упор. Будь на месте Чередника прежний ротный, он бы перебил меня и скорее всего отчитал на глазах у бойцов. Григорий выслушал доклад молча, достал папиросы, мы закурили.

— Много людей потеряли, когда ротного ранили, — сказал Чередник. — Пока суетились, на месте топтались.

Я ПРОШЕЛ ДВЕ ВОЙНЫ

— Ты молодец, Гриша. Под таким огнем роту сумел поднять.

— Тоже промедлил, — отмахнулся лейтенант. — Ждал, пока политрук команду даст. Ну ладно, первый рубеж одолели. Я у твоих бойцов трофейные автоматы видел.

— Три штуки взяли.

— Ну-ка, давай глянем.

Сержант Ходырев принес один из захваченных «суоми». Мы осмотрели трофей и пришли к выводу, что здесь, в лесной местности, автомат — штука эффективная.

— Да и тебе автомат бы не помешал, — заметил Чередник. — Взводные в первых рядах идут, а пистолеты или наганы — оружие для боя слабое.

Мой заместитель согласно кивнул, хотя автомат отдавал мне с явным сожалением.

— Берите, товарищ лейтенант. Я себе другой достану.

Ходырев отстегнул подсумок с запасным диском и протянул вместе с автоматом.

— Не жалко? — усмехнулся Гриша Чередник.

— Может, и жалко, но товарищу лейтенанту он нужнее. Я пока винтовкой обойдусь.

— Ладно, ребята, — поднялся Чередник. — Закрепляйтесь на новом рубеже, а мы с вашим командиром пойдем оглядим получше местность.

Когда отошли немного в сторону, мой старый товарищ по училищу, а теперь командир роты коротко обрисовал обстановку:

— Мы хоть и понесли потери, но боевую задачу выполнили. А вот первому батальону не повезло. Завяз на нейтралке под огнем, наверное, к вечеру